

ПСИХОТЕРАПИЯ, ПСИХОАНАЛИЗ И АНТРОПОЛОГИЯ: КАК ПСИХИАТР ПРЕВРАЩАЕТСЯ
В СОФИСТА (КОММЕНТАРИЙ ИОСИФУ ЗИСЛИНУ, ЧАСТЬ 1)

Иннокентий Алексеевич Мартынов

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, e-mail: martynov@psychotherapy.works

Реферат

В 2020 г. «Неврологический вестник» опубликовал двухчастную статью Иосифа Мейеровича Зислина «Колобки и репки: как психоаналитики превращаются в сказочников». В этой статье доктор Зислин анализирует несколько околопсихоаналитических эссе на тему известных сказок, опубликованных разными врачами и психологами в интернет-блогах. Из собственных филологических рассуждений доктор Зислин довольно неожиданным образом делает выводы о психотерапевтических способностях авторов, а также о ценности психоанализа как в «клинике», так и в области социальных наук. Настоящий текст представляет собой первую часть комментария к статье Иосифа Зислина «Колобки и репки: как психоаналитики превращаются в сказочников» [Неврологический вестник. 2020; 52 (1–2)]. В нём исследуется оригинальный текст доктора Зислина в отношении способов подбора и представления автором материала, который он «анализирует», а также в отношении способов построения собственной аргументации, которые он избирает. В то время как нельзя однозначно судить о намеренности или случайности искажений в представлении материала, аргументационная стратегия является более-менее сознательным выбором автора. Обращение к риторике позволяет продемонстрировать, что доктор Зислин обращается к приёмам аргументации, не принятым в культуре академического письма, — так называемым «софизмам». Настоящий комментарий призван обратить внимание на проблему: необходимо ли врачу-клиницисту, выходящему за пределы строгого академического пространства клинической медицины, придерживаться правил игры других дисциплин, на «поле» которых он собирается «играть».

Ключевые слова: исследовательская этика, ошибки аргументации, ложная аргументация, исследовательские навыки врача, академическое письмо для врачей.

PSYCHOTHERAPY, PSYCHOANALYSIS
AND ANTHROPOLOGY: HOW A PSYCHIATRIST
BECOMES A SOPHIST (COMMENTARY
TO JOSEPH ZISLIN, MD, PART 1)

Innokentiy A. Martynov

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of
Sciences, 119334, Moscow, Leninsky av., 32a,
e-mail: martynov@psychotherapy.works

Abstract

“How and why psychoanalysts become storytellers” is a two-part article by Joseph Zislin, MD published by the “Neurology Bulletin” in 2020. In this paper Dr. Zislin studies several quasi-psychoanalytical essays on famous fairy-tales, published by physicians and psychologists online. Surprisingly, it is from his own philological discussion of their texts which Dr. Zislin draws conclusions about therapeutic abilities of the

authors, as well as about the relevance of psychoanalysis to clinical practice and social studies alike. The present text is a commentary to Dr. Zislin’s “How and why psychoanalysts become storytellers”. It studies the ways of gathering and presenting data exercised in the original paper, as well as the strategies of argumentation Dr. Zislin chooses. Although one cannot tell for sure whether the data presented were distorted on purpose or not, choosing the strategy of argumentation is always a more or less conscious decision. Some analytic tools of rhetoric allow one to demonstrate that Dr. Zislin uses argumentation unacceptable in academic writing — that of deceptive reasoning, logical fallacies and “sophisms”. The present commentary is to highlight a problematic issue: should a practicing physician adhere to rules and norms of other disciplines, once he goes beyond the strict academic field of clinical medicine?

Keywords: research ethics, fallacy, deceptive reasoning, physician’s research skills, academic writing for physicians.

*Мне скажут, что это придирка, но и такая мелочь
режет глаз!*

Иосиф Зислин

Поскольку «Неврологический вестник» имеет своей целевой аудиторией практикующих врачей, недавняя серия статей Иосифа Мейеровича Зислина «Колобки и репки: как психоаналитики превращаются в сказочников» (части 1 и 2) [1, 2] могла ввести читателей в недоумение. В этих статьях автор предпринимает попытку анализа эссе из интернет-блогов некоторых психологов и врачей-психотерапевтов. В этих текстах они используют некоторые психоаналитические концепты для интерпретации известных сказок. Досталось и «слабому»: хотя автор об этом и умалчивает, некоторые из критикуемых доктором Зислиным текстов принадлежат перу студентов-первокурсников (sic!) психологического института. Разбор этих эссе доктор Зислин проводит, обращаясь к понятиям и инструментарию структуралистской школы фольклористики. И хотя читателям, вероятно, будет не трудно увлечься яркой филологической дискуссией, инициированной автором (тем более что она не лишена юмора и нескольких остроумных шуток), у них может возникнуть справедливый вопрос: какое отношение всё это имеет к психоневрологии, проблемы которой призван освещать журнал, на который они подписывались?

Будет справедливо заметить, что доктор Зислин — не только филолог и антрополог-любитель, но и лицензированный врач. Действительно, формально обсуждаемая статья представляет собой критику врачом-психиатром (Иосифом Зислиным) интернет-публицистики своих коллег врачей-психотерапевтов (Владимира Слабинского и Анны Казанцевой), а также некоторых «психологов» неизвестной квалификации. Однако, всё же одно наличие у «дискуссантов» медицинских сертификатов не делает любую их дискуссию релевантной той или иной области медицины. Я утверждаю, что, несмотря на довольно причудливую форму, статья «Колобки и репки: как психоаналитики превращаются в сказочников» имплицитно выявляет довольно острую проблему, оформившуюся сегодня во всей русской «области-пси». Именно этот аспект, пусть и не сразу очевидный, обуславливает актуальность статьи доктора Зислина для всего психоневрологического сообщества.

Здесь я бы хотел продолжить начатую доктором Зислиным дискуссию. В своём тексте я сначала предпринимаю попытку выделить некоторые проблемы оригинальной статьи доктора Зислина. Эти проблемы связаны с самим материалом, с которым работает Зислин, а также с рядом используемых автором стратегий аргументации, которые, вопреки возможным обвинениям, позволяют взглянуть на автора не как на эмоционального пасквилянта, но на мастера полемики, искусно использующего различные риторические приёмы для создания нужного эмоционального эффекта у читателя. После этого во второй части статьи, кратко затронув тему психоаналитических исследований культуры, я попробую артикулировать профессиональную проблему, которую нащупал в своём тексте доктор Зислин, и надеюсь пустить дискуссию в конструктивное русло её обсуждения.

Как нельзя подбирать и представлять материал. Свои рассуждения доктор Зислин начинает с возмущения: «...прочтение целого корпуса современных психоаналитических работ, основанных на фольклорном материале, привело меня в полное недоумение» [1, с. 61]. Коллеги могут узнать здесь традиционную для академического текста формулу введения. Хотя некогда она была призвана описать значительную работу автора по подбору материала — безусловно, репрезентативного — и обещала пропорционально этой значительности глубокий и многогранный анализ, сегодня она, увы, уже потеряла свой буквальный смысл. Она представляет собой «ритуал», без которого едва ли обходится современный академический текст.

Приняв определение подобных формальных элементов научного текста как ритуальных, я не могу назвать проблемой то, что материал, который доктор Зислин неоднократно называет «корпусом» («...корпус текстов, доступных для анализа, вполне сложился...» [1, с. 61]), не является «корпусом» в ожидаемом для читателя академического журнала понимании (вероятно, на страницах научного журнала полемика ведётся

также с научными или, по крайней мере, должным образом опубликованными текстами). Подобранные тексты нельзя назвать «статьями», как это делает доктор Зислин: «следующий психоаналитический текст о “колобке” — статья Елены Назаренко, которая именуется “практическим психологом”» [1, с. 65]; «следующая работа, посвящённая сказке о репке, — статья уже знакомой нам Елены Назаренко» [2, с. 73]; «тогда в цитируемых статьях мы не увидим никакой натяжки, ведь они не имеют с анализируемыми в них текстами ничего общего» (Ibid., с. 74). На самом деле эти эссе — это «посты» в разных интернет-блогах. Удивление вызывает разве что то обстоятельство, что этот репрезентативный «сложившийся корпус» состоит всего из семи (!) таких «постов».

Настоящая же проблема подбора доктором Зислиным материала для обсуждения кроется в другом. Неоднократно в обеих частях своего текста доктор Зислин подчёркивает, что он анализирует «психоаналитические работы» [1, с. 60, 61, 65], называет их авторов «психоаналитиками» [1, с. 61–65], [2, с. 73–76]) и даже предлагает «построить типологию психоаналитиков» [1, с. 63]. Считаю необходимым подробнее разобраться, как автор определяет «психоаналитика» и «психоаналитичность» каких-либо текстов. Поскольку автор не сообщает читателю об используемых критериях и методах подбора материала, видится необходимым обратиться к самим источникам. Для того чтобы реконструировать определение психоанализа и психоаналитика, которым пользовался доктор Зислин при подборе материала, попробуем рассмотреть каждый исследуемый психиатром текст и восстановить возможные критерии «психоаналитичности».

1. Слабинский В. «Психологические коды сказки “Колобок” (фрагмент новой книги)» [3]. Владимир Юрьевич Слабинский — «кандидат медицинских наук, врач-психотерапевт, сертифицированный психотерапевт ЕАР (European Association of Psychotherapy), сертифицированный супервизор РПА (Российской психотерапевтической ассоциации), <...> создатель авторского метода позитивной динамической психотерапии» [4]. Вероятно, никакой психоаналитической подготовки Владимир Юрьевич не получал (или, по крайней мере, предпочитает не включать таковую в список своих регалий). Справедливости ради, он сам не идентифицирует себя ни с психоаналитическим сообществом, ни с психоаналитическим методом.

В исследуемом доктором Зислиным «посте» доктора Слабинского в его личном блоге на ресурсе Livejournal (Живой журнал) автор «поста» ни разу не обращается к собственно психоанализу, хотя и вставляет комментарий («...символизм глотки, как вагины, с точки зрения психоанализа достаточно очевиден» [3]), который, напоминает, скорее, строчку из анекдота в жанре «психоанализ и банан», нежели действительное обращение к психоаналитическому инструментарию. Вместо «психоанализа», который доктор Зислин пытается «вчитать» в текст, доктор Слабинский оперирует понятиями, которые, вероятно, своим звучанием могут

напомнить некоторые психоаналитические и околопсихоаналитические концепты: «методология Позитивной Динамической Психотерапии» (ср. психодинамика), «Базовый конфликт» (ср. базисный дефект Микаэля Балинта), «жизненный сценарий» (ср. теория сценария Эрика Берна), «архетипы» (ср. архетипы в аналитической психологии Карла Юнга) (Ibid.). Однако встречаются и «химеры» разных понятий из других направлений психологии: «технология родительского программирования судьбы», «импритинговое запечатление» и др.

Возможно также, что глаз доктора Зислина зацепился за упоминание в тексте классика психоанализа, психиатра Жака Лакана («Жак Лакан показал, что умение поддерживать диалог — это важнейший критерий взрослой, здоровой личности»), которое, однако, представляет собой скорее риторическую уловку вида *argumentum ad verecundiam* — апелляцию к некоторым авторитетам для аргументации собственной позиции, часто либо вырванную из контекста, либо вовсе ложную (действительно, доктор Слабинский не приводит ссылки на работу Лакана, к которому он якобы апеллирует, поэтому проверить достоверность цитаты не представляется возможным).

Таким образом, можно предположить, что атрибуция доктором Зислиным данного текста как «психоаналитического», равно как и определение доктора Слабинского в качестве «психоаналитика», происходит в результате:

1) обращения доктора Зислина к методу, граничащему с «любительской лингвистикой», которую он критикует в своей же статье [2, с. 76]: не нужно углубляться в происхождение и значение терминов, достаточно их очевидного внешнего сходства (динамическая психотерапия/психодинамика, базовый конфликт/базисный дефект и пр.);

2) успеха «софизма» доктора Слабинского с ложной апелляцией к психоаналитику Жаку Лакану.

Даже если в тексте встречаются некоторые заимствования из психоаналитического вокабуляра, одни лишь слова не могут сделать текст психоаналитическим. Я утверждаю, что для признания его таковым текст должен, прежде всего, придерживаться психоаналитического метода (аналогичным образом, пустое злоупотребление медицинской терминологией ещё не делает текст статей медицинским).

2. Назаренко Е. «Сказка “Колобок”. Теневой анализ сказки в сказкотерапии». Елена Анатольевна Назаренко — «практический психолог, культуролог» [5], кандидат философских наук по специальности 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» [6]. Указаний, что Елена Анатольевна проходила психоаналитическую подготовку, нет. Она также не идентифицирует себя как психоаналитик. В отличие от доктора Слабинского, Елена Назаренко в своём посте на интернет-сайте «Live-and-Learn» [7] не оперирует терминами, даже напоминающими психоаналитические. Аналогичную картину можно наблюдать в другом эссе Елены Анато-

льевны «Теневой анализ сказки “Репка” — Семья и Школа...» [8], который также обсуждает доктор Зислин. Возможно, глаз доктора Зислина зацепился за предложение психолога «увидеть (или ощутить бессознательно)», однако времена, когда психоанализ пользовался монополией на бессознательное, давно прошли [9]. Других критериев, которые позволили бы атрибутировать текст как психоаналитический, а Елену Назаренко как психоаналитика, мне обнаружить не удалось.

3. Антонова Ю. Психоаналитическая интерпретация сказок «красивая жена», «карлик нос» и «медведь — липовая нога»; Исаева Ю. Психоаналитическое понимание сказки «Колобок»; Березницкая М. Психоаналитическое понимание сказки «Колобок». Я позволил себе объединить эти три эссе, опубликованные в блоге на сайте Института психологии и психоанализа на Чистых Прудах, не только потому, что все три автора действительно пользуются разными психоаналитическими концептами («эдипальный конфликт», «страх кастрации», «цензура любовницы» у Юлии Антоновой; «потребность в первичных объектах», «стадии (психо)сексуального развития», «перверсия» у Юлии Исаевой), но и потому, что все три автора имеют одинаковую квалификацию.

Все три выбранных эссе, представляемые доктором Зислиным как работы «психоаналитиков», принадлежат перу первокурсников (!) психоаналитического института [10, 11]. Трудно отрицать, что эти эссе имеют некоторую психоаналитическую компоненту. Здесь мы сталкиваемся с проблемой другого рода: этикой подбора и представления материала. Вопрос того, следует ли учёному критиковать на страницах научного издания работы первокурсников, а также возможно ли их называть специалистами в той или иной профессии (если мы критикуем первокурсника психологического института как психоаналитика, должны ли мы также критиковать первокурсника медицинского института как врача?), при этом умалчивая об их настоящей квалификации, является, по меньшей мере дискуссионным.

4. Казанцева А.Е. «Психоаналитическое исследование фольклорных метафор для постижения физических процессов эмбриогенеза». Анна Евгеньевна Казанцева — врач-психотерапевт Екатеринбургского медицинского научного центра и психолог-психоаналитик, прошедшая психоаналитическую подготовку в Восточно-Европейском институте психоанализа [12], а также личный анализ у тренингового аналитика. Опубликованное в блоге на сайте Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии эссе доктора Казанцевой действительно можно назвать психоаналитической работой: автор предпринимает попытку представить сказку о репке как метафору эмбриогенеза и развития плода на различных стадиях беременности, отталкиваясь от гипотезы французского педиатра и психоаналитика Франсуазы Дольто о существовании некоторой психической жизни на пренатальной стадии развития ребёнка [13].

Я не буду обращаться к подробному рецензированию этого текста, однако следует отметить, что, хотя в общих чертах сказкой о Репке действительно можно воспользоваться как метафорой рождения, можно предположить, что погружение в интерпретацию частностей привела Анну Евгеньевну к тому, что французский философ Жиль Делёз и психоаналитик Феликс Гваттари назвали интерпретозом. Такая проблема широко обсуждается психоаналитиками ещё с 1960-х годов. Тем не менее, абстрагируясь от качества работы (я оставляю за читателем право самостоятельно её оценить), критерии, по которым текст доктора Казанцевой можно атрибутировать как психоаналитический, а автора назвать психоаналитиком, довольно прозрачны.

Изучив все источники, с какими работает доктор Зислин в обеих частях своей статьи, я представляю задачу по реконструкции использованной им методики подбора и представления материала довольно затруднительной. Для сбора «портфеля» материалов доктор Зислин в первом случае пользуется методами «любительской лингвистики» (понятийный аппарат текста в русском языке созвучен некоторым психоаналитическим концептам). Во втором случае доктор Зислин, вероятно, руководствуется заблуждением о «монополии» психоанализа на понятие бессознательного. В третьем случае автор верно идентифицирует психоаналитические элементы в тексте, однако игнорирует вопрос адекватности источника (студенты-первокурсники) собственному исследованию. Только в четвёртом случае автору удаётся подобрать релевантный материал.

Вероятно, именно нарушением принятых правил подбора, проверки и представления источников можно объяснить настойчивое именование этих, очевидно не имеющих, за единственным исключением, к психоанализу отношения текстов «психоаналитическими работами», а их авторов «психоаналитиками». Такое именование, как я уже заметил выше, можно в избытке найти практически на каждой странице обеих частей статьи доктора Зислина. Автор пытается скрыть грубые нарушения правил и этики работы с материалом за «софизмом», так называемой *argumentum ad nauseam* — риторической уловкой, где вместо приведения доказательств тезиса используется его многократное повторение («до тошноты»). Иначе аргументировать их атрибуцию как «психоаналитических» не представляется возможным.

Таким образом, первую проблему текста доктора Зислина можно обозначить следующим образом: необходимо ли клиницисту (врачу, психологу, психоаналитику) руководствоваться какими-либо правилами подбора материала, описывать и аргументировать его методику в неклинической публикации для научного журнала? Могут ли быть освобождены от этой обязанности все авторы, или, всё же, «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» — и только известные и состоявшиеся врачи вроде доктора Зислина могут ими пренебречь?

Пять софизмов Иосифа Зислина. Доктор Зислин прибегает к «грязным» приёмам аргументации, которые иногда называют «софизмами», не только для обоснования релевантности подобранного материала. В обеих частях рассматриваемой здесь статьи автор часто прибегает к различным риторическим уловкам для привлечения читателя на свою сторону. В этом параграфе я бы хотел выделить некоторые из них.

1. *Ошибка определения.* Свои рассуждения доктор Зислин строит на злоупотреблении ошибкой определения. Он приводит определение: «суть психоаналитического метода — описание единичного текста, в сознании психоаналитика приравненное к анализу единичного терапевтического случая» [1, с. 63]. Такую риторическую уловку можно характеризовать как «ошибку узкого определения» [14, с. 203]. Устоявшаяся традиция психоаналитического исследования культуры подразумевает не только метод описания единичного текста как терапевтического случая. Как замечает немецкий культуролог Юрген Крамер [15, с. 238], психоанализ внёс прорывной вклад в исследование культуры, когда пролил свет на бессознательные и нерациональные элементы формирования идентичности и субъекта; усложнил наивные представления о том, как работают идеологии; открыл пространство для обсуждения гендера и сексуальности в культуре; прояснил, какие процессы вовлечены в этническое различие и межкультурные контакты; усовершенствовал понимание исследователями культуры роли аффекта, эмоций и желаний в культуре.

Британский культуролог Стюарт Холл — один из «отцов» современной системы наук о культуре (cultural studies) — подчёркивал, что психоанализ всё ещё служит «важным напоминанием исследователям культуры, что они сами уже пойманы в структуру, против которой пытаются мыслить, и что не существует момента полной свободы от этих ограничений [здесь и далее перевод с английского мой — Ин.М.]» [16]. Психоаналитики исследуют общий культурный текст и установившуюся систему символических отношений.

Если обратиться к частному случаю исследования фольклора, то здесь, как указывает, например, классик американской антропологии и фольклористики Алан Дандес, психоаналитический метод будет заключаться не в каталогизации и исследовании всех возможных вариантов текста, а в семиотическом исследовании самой коммуникативной ситуации, в которой тот или иной фольклорный текст рассказывается, а также в том, какие значения он приобретает в разных таких ситуациях для разных рассказчиков и пр. [17, с. 1531–1532].

Вероятно, определение, которое даёт доктор Зислин, можно назвать не столько ошибкой, сколько софистической уловкой: якобы обобщая метод исследуемых им авторов, доктор Зислин намеренно обращает его в форму фундаментального определения «сути» психоаналитического метода вообще, что в контексте журнала по психоневрологии подразумевает несколько иные коннотации, нежели вне клини-

ческого поля. К аналогичному приёму доктор Зислин прибегает (или же допускает аналогичную риторическую ошибку), когда представляет своё определение «логики психоаналитического подхода»: «“читатель ждёт уж рифмы розы”: развития анального сюжета или хотя бы анальной фазы, ведь логика психоаналитического подхода диктует нам, что если в тексте появились фекалии, то анальная песня не за горами» [1, с. 65]. И хотя, действительно, в рамках изучения т.н. анально-садистической стадии психосексуального развития существовали попытки исследования символического значения фекалий, «анальный сюжет или анальная фаза», как её называет доктор Зислин, является концептом, связанным с проблемами объектных отношений: как самосдерживания и самообладания, так и контроля над объектом (подробнее см. [18, с. 559]). Таким образом, доктор Зислин подменяет целое частностью с целью «грязного» усиления риторического эффекта собственного текста.

2. *Argumentum ad verecundiam, или апелляция к авторитетам.* Другим важным приёмом для стратегии аргументации доктора Зислина служит ложная апелляция к авторитетам [14, с. 179–180]. *Argumentum ad verecundiam* может строиться двумя способами. Первый — это приведение цитаты вне контекста, чтобы выдать мнение оратора за мнение более авторитетного эксперта. Так поступает доктор Зислин, приводя в качестве эпиграфа к выводам ко второй части своего текста цитату немецкого теоретика культуры русского происхождения Игоря Павловича Смирнова. Для того чтобы усилить собственный тезис о якобы анекдотичном игнорировании психоаналитиками здравого смысла, доктор Зислин приводит цитату из «О предпосылках психоисторического подхода к культуре» Смирнова: «Убежденность в том, что аффект иррационален, позволяет большинству психоаналитиков игнорировать логику» [19].

Вне контекста читатель действительно может поставить здесь знак равенства между логикой и здравым смыслом или разумностью (это распространённое бытовое значение). Обратившись к источнику, можно увидеть более полный контекст приводимой доктором Зислиным цитаты из Смирнова: «Инструментальной задачей нашей книги была выработка такого метаязыка, в котором термины психоанализа, логики и диахронической культурологии были бы взаимопереводимы. Для этого нам пришлось пересмотреть определения некоторых традиционных категорий психоанализа — таких, как *Trieb*, травма, симптом, инфантильная сексуальность, патология и пр. Убежденность в том, что аффект иррационален, позволяет большинству психоаналитиков игнорировать логику. Нет учения, внутренне более противоречивого, чем психоаналитический дискурс. Строя нашу психо-логику, нам хотелось избавить его от непоследовательности! Аффект — не что иное, как консеквент, чей антецедент субъект не успел или не смог отрефлексировать» (*Ibid.*). Однако в самой работе Смирнова речь идёт скорее о логике в самом непосредственном её значении, как о системе

научных инструментов, применив которые, Игорь Павлович видит возможным переосмыслить некоторые психоаналитические концепты. Игнорированием логики же, по всей видимости, Игорь Павлович называет внутридисциплинарную противоречивость психоанализа: действительно, часто одни и те же понятия трактуют радикально иным образом в разных психоаналитических школах. Такая картина действительно противоречит самому духу дисциплины логики. Таким образом, можно заметить, как и с какой целью доктор Зислин вырывает цитату из контекста.

Второй способ построения такой аргументации — апелляция к ложным авторитетам. Доктор Зислин ссылается на замечания антрополога Клода Леви-Стросса о работе психоанализа с «мифом об Эдипе»: «мы можем отнести гипотезу Фрейда заодно с текстом Софокла к числу **версий мифа** (выделено мной. — И.З.) об Эдипе. Их версии заслуживают не меньшего доверия, чем более древние и на первый взгляд более “подлинные”» (цит. по [2]). Доктор Зислин снова вырывает фразу из контекста и не только снабжает цитату ссылкой не на самого Леви-Стросса, а на одну из своих старых работ [20], где эта цитата в полном виде отсутствует, но и интерпретирует её контрфактуальным образом: из комментария Леви-Стросса о вариативности мифа доктор Зислин выводит, что «отцы-основатели психоаналитического метода создали немало глубоко ошибочных мифов» [2]. Даже если читатель примет такое прочтение Леви-Стросса, опираться на заявление этнографа об ошибочности психоанализа кажется настолько же неудачным аргументом, насколько приводить в качестве аргументов мнение по вопросам налогообложения нобелевского лауреата по химии (фигура, безусловно, как и Леви-Стросс, авторитетная, но не релевантная теме).

3. *Ignoratio elenchi, или нерелевантный вывод или подмена тезиса.* Поскольку эти два приёма очень схожи, я позволил себе объединить их под одним пунктом. В англоязычной литературе подобные уловки принято называть «соломенным чучелом»: подобно тому, как можно подменить противника на соломенное чучело, которое легко «свалить», после чего триумфально заявить о победе над настоящим оппонентом, софист подменяет тезис оппонента, делая из него нерелевантные выводы [14, с. 158–159]. Именно такой аргументацией пользуется доктор Зислин: обсуждая филологические эссе и резюмируя свою критику упражнений якобы «психоаналитиков» как филологически несостоятельных, он делает из этого громкий вывод о клинической несостоятельности психоаналитиков: «если авторы так относятся к тексту, как же они оценивают нарратив пациента? и как будет строиться вытекающая из такой (анти)герменевтики терапевтическая стратегия? (не столько риторический, сколько практический вопрос)» [2, с. 76]. Подобный вывод к филологическим упражнениям доктора Зислина, выходящий на клиническую проблематику, который основан на уловке, кажется едва ли уместным на страницах научного журнала.

4. *Propter hoc, или «с этим/после этого, значит из-за этого»* [14, с. 246–248]. В целом доктор Зислин в своей «концепции» придерживается линии *propter hoc*: если потерпевший фиаско на том или ином поприще автор как-то связан с психоанализом (преимущественно, как мне удалось продемонстрировать выше, только в собственной несколько не очевидной и искажённой логике доктора Зислина), то именно психоанализ стал причиной такого фиаско. Хотя ложные ассоциации доктора Зислина часто основаны на грубых фактических ошибках (например, одну из цитат автор обозначает как «выдержку из эссе обучающего психоаналитика Ю. Исаевой» [1, с. 65], однако проверка источника показала, что на самом деле Юлия Исаева — первокурсница(!) психологического института), он неоднократно прибегает к искажению каузации, подчёркивая, что критика специалиста за непрофессионализм обусловлена его обращением к психоанализу: «Психоанализ, в отличие от психиатрии, поместил самого аналитика в фокус внимания, признав у него наличие и бессознательных импульсов, и скрытых желаний. Но заявив себя как автор, психоаналитик сам становится объектом критики — именно за свою вольность, лёгкость в суждениях и непрофессионализм» [2, с. 76].

5. *Ad hominem, или переход на личности* [14, с. 179–180]. Вероятно, трудно представить более неуместный приём в серьёзной дискуссии, чем переход на личности. К сожалению, доктор Зислин не гнушается таким полемическим инструментом и не единожды прибегает к нему. Он то пеняет на «закомплексованность» авторов («спрошу: на каком основании Елена Назаренко считает, что исследует сказку, а не демонстрирует свои комплексы и фантазии?» [2, с. 73]), то обвиняет их в отыгрывании собственной неполноценности («именно эта “безавторность”, проще и точнее говоря “фольклорность” сказки, представляется очень важной, если мы хотим понять мотивировки психоаналитиков, отыгрывающих своё неумение анализировать текст именно на фольклорных образцах» [2, с. 74], или даже самоутверждения («как мне представляется, обращение к сказке для психоаналитика является просто попыткой самоутверждения» [2, с. 75]).

6. Следует также обратить внимание на некоторые другие *софистические уловки*, рассредоточенные по всему тексту:

– *argumentum ad nauseam* (аргументация за счёт постоянного повторения своего тезиса «до тошноты»);

– ложная ассоциация (если два феномена разделяют какую-то характеристику — они являются одним и тем же: если психоанализ и плохая эссеистика разделяют некоторые предположения и понятия, значит, эта плохая эссеистика тоже является психоанализом);

– *non sequitor* (представление в качестве вывода идеи, не следующей из предыдущего тезиса);

– *circulus in demonstrando*, или порочный круг: психоаналитик ошибается, поэтому психоанализ ошибочен;

– *argumentum ad logicam* (нечто является ошибочным только потому, что предложенная кем-то аргументация ошибочна) [14].

Таким образом, вторую проблему текста доктора Зислина можно сформулировать следующим образом: необходимо ли врачу-клиницисту придерживаться некоторых правил работы с материалом не только в плане его подбора и представления, но также в плане его анализа и аргументации собственных идей? Необходимо ли оставаться в рамках релевантной коммуникативной ситуации — дискуссии на страницах академического печатного издания, — или же можно продолжить пользоваться «софистикой», какой любят эпатировать публику в «живом» пространстве лекционных залов, социальных сетей и так далее, как делает это доктор Зислин?

Предварительные выводы. Декларируя антропологическое исследование по «построению типологии психоаналитиков» [1, с. 63], психиатр Зислин на самом деле обращается к хорошо знакомой методике. Он будто пытается подменить антропологию, с её специфическими методами, этикой и прочим, привычной патографией — подобному тому, как патограф начинается с того, что его герой «по умолчанию» болен [21], так и двухчастная статья «Колобки и репки. Как психоаналитики превращаются в сказочников» представляет собой не анализ, а, скорее, упражнение в остроумии, где тезис аксиоматизируется с самого начала, а материал служит «спортивным снаряжением» для дальнейших эпатажных софистических упражнений.

В таком контексте, действительно, не играют роли ни небрежный подбор материала, ни искажения, ни пренебрежение сложившейся культурой академической дискуссии. Более того, если брошенную на страницах солидного научного журнала фразу можно считать заявлением о начале антропологического проекта по «составлению типологии психоаналитиков», то, вероятно, для доктора Зислина как «антрополога» психоаналитики становятся информантами, то есть объектом изучения.

Многочисленные публичные скандалы с психоаналитиками, развязанные доктором Зислиным в публичном пространстве социальных сетей, вызывают значительные сомнения в его способности выполнять функции антрополога. Действительно, многое пережила дисциплина, однако даже постмодернистские влияния не смогли нормализовать провокацию, намеренный и последовательный конфликт с информантами. К сожалению, не существует никаких процедур, способных указать Зислину-«антропологу» на сомнительность стратегии, которую он избрал: доктор Зислин не состоит ни в одной антропологической ассоциации и ни с одним департаментом антропологии (где тоже есть этические полевые комитеты) не аффилирован. К сожалению, доктор Зислин продолжает публично позиционировать себя как «специалиста по антропологии» [22]. Если бы существовала процедура «извержения» из антропологов (подобно тем, что существуют в медицине и Церкви), такую, возможно, следовало бы инициировать. К сожалению, её не существует.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зислин И.М. Колобки и репки. Как психоаналитики превращаются в сказочников. Часть 1. *Неврологич. вестн.* 2020; 52 (1): 60–67. [Zislin I.M. How and why psychoanalysts become storytellers. Part 1. *Neurology Bulletin.* 2020; 52 (1): 60–67. (In Russ.)]
2. Зислин И.М. Колобки и репки. Как психоаналитики превращаются в сказочников. Часть 2. *Неврологич. вестн.* 2020; 52 (2): 72–78. [Zislin I.M. How and why psychoanalysts become storytellers. Part 2. *Neurology Bulletin.* 2020; 52 (2): 72–78. (In Russ.)]
3. Слабинский В.Ю. *Психологические коды сказки «Колобок» (фрагмент новой книги).* <https://dr-slabinsky.livejournal.com/38918.html> (дата обращения: 18.11.2020). [Slabinskiy V.Yu. *Psikhologicheskie kody skazki "Kolobok" (fragment novoy knigi).* <https://dr-slabinsky.livejournal.com/38918.html> (access date: 18.11.2020). (In Russ.)]
4. Слабинский Владимир Юрьевич. https://www.psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/19766/ (дата обращения: 18.11.2020). [Slabinskiy Vladimir Yur'evich. https://www.psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/19766/ (access date: 18.11.2020). (In Russ.)]
5. *Создатели.* <https://www.live-and-learn.ru/#about> (дата обращения: 22.11.2020). [Sozdateli. <https://www.live-and-learn.ru/#about> (access date: 22.11.2020) (In Russ.)]
6. Назаренко Е.А. *Сноведение как форма рефлексии в художественной культуре (на материалах литературоведения).* Дисс. канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет. 2004; 139 с. [Nazarenko E.A. *Snovedenie kak forma refleksii v khudozhestvennoy kul'ture (na materialakh literaturovedeniya).* Diss. kand. fil. nauk: 09.00.13. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 2004; 139 p. (In Russ.)]
7. Назаренко Е. *Сказка «Колобок». Теневой анализ сказки в сказкотерапии.* <https://www.live-and-learn.ru/catalog/article/skazka-kolobok-tenevoy-analiz-skazki-v-skazkoterapii/> (дата обращения: 18.11.2020a). [Nazarenko E. *Skazka "Kolobok". Tenevoy analiz skazki v skazkoterapii.* <https://www.live-and-learn.ru/catalog/article/skazka-kolobok-tenevoy-analiz-skazki-v-skazkoterapii/> (access date: 18.11.2020a). (In Russ.)]
8. Назаренко Е. *Теневой анализ сказки «Репка» — Семья и Школа...* <https://www.live-and-learn.ru/catalog/article/tenevoy-analiz-skazki-repka-semya-i-shkola/> (дата обращения: 18.11.2020b). [Nazarenko E. *Tenevoy analiz skazki "Repka" — Sem'ya i Shkola...* <https://www.live-and-learn.ru/catalog/article/tenevoy-analiz-skazki-repka-semya-i-shkola/> (access date: 18.11.2020b). (In Russ.)]
9. Nordgren L.F., Bos M.W., Dijksterhuis A. The best of both worlds: Integrating conscious and unconscious thought best solves complex decisions. *J. Exp. Soc. Psychol.* 2011; 47 (2): 509–511.
10. Березницкая М., Исаева Ю. *Психоаналитическое понимание сказки «Колобок».* <https://psychic.ru/articles/somatic/article05.htm> (дата обращения: 18.11.2020). [Bereznitskaya M., Isaeva Yu. *Psikhoanaliticheskoe ponimanie skazki "Kolobok".* <https://psychic.ru/articles/somatic/article05.htm> (access date: 18.11.2020). (In Russ.)]
11. Антонова Ю. *Психоаналитическая интерпретация сказок «Красивая жена», «Карлик нос» и «Медведь — липовая нога».* <https://psychic.ru/articles/somatic/article13.htm> (дата обращения: 22.11.2020). [Antonova Yu. *Psikhoanaliticheskaya interpretatsiya skazok "Krasivaya zheni", "Karlik nos" i "Medved' — lipovaya noga".* <https://psychic.ru/articles/somatic/article13.htm> (access date: 22.11.2020). (In Russ.)]
12. Казанцева Анна Евгеньевна. <http://www.kazantzeva.ekadoctor.ru> (дата обращения: 18.11.2020). [Kazantseva Anna Evgen'evna. <http://www.kazantzeva.ekadoctor.ru> (access date: 18.11.2020). (In Russ.)]
13. Казанцева А.Е. *Психоаналитическое исследование фольклорных метафор для постижения физических процессов эмбриогенеза.* <https://russia.ecpp.org/kazanceva-ae-psihoanaliticheskoe-issledovanie-folklornyh-metafor-dlya-postizheniya-fizicheskikh> (дата обращения: 18.11.2020). [Kazantseva A.E. *Psikhoanaliticheskoe issledovanie fol'klornykh metafor dlya postizheniya fizicheskikh protsessov ehmbriogeneza.* <https://russia.ecpp.org/kazanceva-ae-psihoanaliticheskoe-issledovanie-folklornyh-metafor-dlya-postizheniya-fizicheskikh> (access date: 18.11.2020). (In Russ.)]
14. Cederblom J.B., Paulsen D. *Critical reasoning: Understanding and criticizing arguments and theories.* Wadsworth Publishing. 2011; 432 p.
15. Kramer J., Viol C.-U. Introduction: Psychoanalysis in cultural studies — Positions, perspectives and proposals. *Psychoanal. Cult. Soc.* 2017; 22 (3): 237–242.
16. Davis N.-Y., Gibert J., Hall S. et al. *Cultural Studies Now: transcript of the plenary featuring Stuart Hall, Doreen Massey, Mike Rustin and Jeremy Gilbert.* <http://culturalstudiesresearch.org/wp-content/uploads/2010/06/ccsrtranscripttalk.doc> (access date: 18.11.2020).
17. Dundes A. Projection in folklore: A plea for psychoanalytic semiotics. *MIN.* 1976; 91 (6): 1500–1533.
18. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. *Словарь по психоанализу.* М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2017; 751 с. [Laplansh Zh., Pontalis Zh.-B. *Slovar' po psikhoanalizu.* М., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2017; 751 p. (In Russ.)]
19. Смирнов И.П. *Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней.* М.: Новое литературное обозрение. 1994; 352 с. [Smirnov I.P. *Psikhoistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney.* М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 1994; 352 p. (In Russ.)]
20. Зислин И.М. Страдал ли Эдип эдиповым комплексом? (От эллинистического мифа к псевдостигматизации.) *Неврологич. вестн.* 2018; 50 (4): 57–66. [Zislin I.M. Did Oedipus suffer from an oedipus complex? (From greek myth to pseudo-stigmatization.) *Neurology Bulletin.* 2018; 50 (4): 57–66. (In Russ.)]
21. Сироткина И.Е. *ПатогRAFия как жанр: критическое исследование.* http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php (дата обращения: 18.11.2020). [Sirotkina I.E. *Patografiya kak zhanr: kriticheskoe issledovanie.* http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php (access date: 18.11.2020). (In Russ.)]
22. Зислин И.М. *Модные диагнозы и модные болезни в психиатрии.* <https://oxfordrussia.ru/materials/44/> (дата обращения: 22.11.2020). [Zislin I.M. *Modnye diagnozy i modnye bolezni v psikhiiatrii.* <https://oxfordrussia.ru/materials/44/> (access date: 22.11.2020). (In Russ.)]

Поступила 03.12.2020; принята в печать 19.01.2021.